

не хотел присоединить лишения безопасности к лишению вольности.

277. Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных.

278. Есть многие способы почти нечувствительно вводить новых граждан. Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества и привести их в такое состояние, чтоб они могли купить сами себе свободу» (155).

Иными словами, порядок освобождения крестьян («рабов») не предусматривалось обеспечивать юридическими постановлениями. О массовом же освобождении крепостных не могло быть и речи. Правительство через законы могло лишь взять на себя задачу регулирования вопросов, касавшихся собственности крестьян. Но и эта уступка облекалась в «Наказе» в весьма туманные формулировки («учредить нечто полезное»).

Реакция Сумарокова на приведенные выше 277 и 278-ю статьи (в окончательной редакции «Наказа» они стали 260-й и 261-й) была выдержана в тех же тонах, какие он применил при ответе на вопрос, предложенный ранее Вольным Экономическим обществом. В сущности он повторяет свои доводы, категорически возражая против освобождения крестьян, видя в исполнении подобных планов возможный источник политической нестабильности в государстве: «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут, и будут ласкать слуг своих, пропуская им многия бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян; и будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанная будет в государстве междоусобная брань...» (85).

Примечательна реплика императрицы на утверждение Сумарокова, что «ныне помещики живут покойно в вотчинах» (85—86). Напротив этих слов она пишет: «...и бывают зарезаны отчасти от своих» (86). Заканчивая свою тираду против крестьянской свободы, Сумароков подчеркивает практическую бессмысленность этой идеи. По его мнению, «все дворяне, а может быть и крестьяне сами такую вольностию довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие» (Там же). Утопичность его позиции обнажается в последней фразе, заключающей в себе мысль о взаимной любви господ и крестьян: «А это примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет» (Там же). Екатерина II отреагировала на конец фразы: «И иметь не может в нынешнем состоянии» (Там же).

В завершающей части своего мнения, где Сумароков как бы обобщает собственные впечатления от глав XI—XV, он вновь возвращается к вопросу о положении крепостных. «Продавать людей, как скотину, не должно; но где слуг брать, когда крестьяне будут